

УДК 02:001(47+57)(091)

ББК 78.3г

DOI 10.20913/1815-3186-2016-3-80-85

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ И ЕГО НАУКОВЕДЧЕСКОГО СТАТУСА

© Е. А. Плешкевич, 2016

*Государственная публичная научно-техническая библиотека**Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Россия; e-mail: eap1966eap@mail.ru*

Статья посвящена истории возникновения и становления отечественного библиотековедения. Рассмотрена концепция, предложенная А. Н. Ванеевым, согласно которой библиотековедение возникло как отрасль науки и только в 1960 г. стало формироваться как научная дисциплина. Предложена авторская концепция, согласно которой библиотековедение формировалось в течение XIX столетия как научная дисциплина.

Ключевые слова: история библиотековедения, научная дисциплина, отрасль знания, А. Н. Ванеев.

Для цитирования: Плешкевич Е. А. К вопросу о генезисе отечественного библиотековедения и его науковедческого статуса // Библиосфера. 2016. № 3. С. 80–85. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-3-80-85.

On the problem of domestic library science genesis and its scientific status

Е. А. Pleshkevich

State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; e-mail: eap1966eap@mail.ru

The article is dedicated to the domestic library science formation and development. It reviews and analyzes the concept proposed by A. N. Vaneev, according to which librarianship has emerged as a branch of science. This concept is based on the following facts: first, on the etymology of the term «bibliotekovedenie» meaning the knowledge on library; secondly, on the opinion of a participant of the discussion that took place in print in 1865, that library science and its works were not possible; that in 1910–1920s it was dominated the view on the library science as a branch of knowledge, and in 1930s the library science was declared a bourgeois science. Therefore, only in 1960s, the library science began to take shape of a scientific discipline, resulting in the duality, to overcome which it was proposed to replace the term «bibliotekovedenie (studying library)» with the term «library science» by A. Vaneev. The concept analysis showed that it was not confirmed neither etymologically nor pictographically.

The author's concept is proposed, according to which the library science was formed as a scientific discipline during the XIX century. First, it is based on the thesis that the concept «branch of knowledge» is a library classification notion, whereas the concept «scientific discipline» is a scientific term, therefore they cannot be opposed to each other; second, on the view of science as systematic and focused research activities of a particular subject area. Therefore, it arises when there is the identification of this subject area. Such are the aspects of library activities to ensure public interests in the sphere of science, education and enlightenment. In practice, this was manifested in the «governmentalization» of librarianship and subordinating it to the Ministry of education. Understanding the subject area of library science by scholars was in the mid XIX century. The systematic character of scientific knowledge was achieved by institutionalization, through vesting the leading libraries of the country functions of scientific institutions, creating the library communities, professional printing, etc. All this took place during the whole XIX century. Thus, according to the author's proposed concept the formation of national library science as a scientific discipline ended in the late XIX – early XX century finally.

Keywords: history of library science, scientific discipline, branch of knowledge, A. N. Vaneev.

Citation: Pleshkevich E. A. On the problem of domestic library science genesis and its scientific status // *Bibliosphere*. 2016. № 3. P. 80–85. DOI: 10.20913/1815-3186-2016-3-80-85.

Вопрос возникновения отечественного библиотековедения является одним из важных, вследствие чего периодически поднимается в научной печати. Определенный шаг в поиске ответа на этот вопрос был предпринят доктором педагогических наук А. Н. Ванеевым. В статье с характерным названием [1] он предпринял очередную попытку пересмотреть не столько сложившийся взгляд на время возникновения отечественного библиотековедения, сколько его эволюцию из отрасли знания о библио-

теке в соответствующую науку. Он выдвигает концепцию, что отечественное библиотековедение возникло как отрасль знания на рубеже XIX–XX столетий и просуществовало в качестве такового вплоть до 1960-х гг. С целью ее доказать исследователь обращается к этимологии термина «библиотековедение». Он утверждает, что термин «библиотековедение» был образован по аналогии с термином «книговедение» и что «ведение» обозначает знание, а не науку. Другую причину возникновения этого термина он

связывает с тем, что термин «библиотечная наука» в тот период был невозможен. Также А. Н. Ванеев схематически моделирует процесс исторической эволюции отечественного библиотековедения из отрасли знаний в науку. В качестве отправной точки им обозначена дискуссия в печати по поводу проекта нового устава Императорской публичной библиотеки (1865 г.), в ходе которой одним из ее участников были поставлены под сомнение факты существования термина «библиотечная наука» и одноименной науки. Второй такой, условно выражаясь, «реперной точкой» стало утверждение того факта, что ведущие российские библиотекари в 1910–1920-х гг. разделяли взгляд немецкого библиотекаря А. Грезеля на «библиотековедение как совокупность всех знаний о библиотеке, включающей теоретический и практический разделы». Иными словами, они смотрели на нее как на отрасль знаний, а не науку. Третья реперная точка схемы связана с научной дискуссией о статусе библиотековедения, имевшей место в 1930-х гг. В ее ходе библиотековедение как таковое было объявлено буржуазной наукой, в силу чего рассматривалось в статусе отрасли знания. Ситуация перехода библиотековедения из отрасли знания в научную дисциплину возникает в 1960-х гг. благодаря использованию «наукоедческого подхода». Это четвертый, заключительный реперный фрагмент схемы. Итогом данного процесса, по мнению Анатолия Николаевича, стало одновременное существование библиотековедения как отрасли знания и научной дисциплины. Стараясь преодолеть эту двойственность, он предлагает либо заменить, на западный манер, «библиотековедение» на «библиотечную науку», либо рассматривать данные термины как синонимы. Насколько предложенные А. Н. Ванеевым аргументы подтверждают высказанную им концепцию генезиса отечественного библиотековедения и существует ли объективная потребность в изменении его названия – вот те вопросы, на которые мы попытаемся дать ответ.

Следуя логике Анатолия Николаевича, начнем с краткого анализа этимологии термина «библиотековедение». Как известно, множество наук, таких как математика или физика, вообще не используют в своем названии указание на то, что это науки или области практической деятельности. В силу чего выделение их научной составляющей происходит через добавление слова «наука», например физическая или математическая науки. В данном случае понятия математика и математическая наука рассматриваются в качестве синонимов. Применительно к другим названиям научных дисциплин такая задача не стоит, так как они в самом названии, во второй части сложного слова содержат определенное указание на свой статус: «ведение», «логия» (филология) или «номия» (астрономия), «графия» (география). Выбор того или иного варианта «конструирования» названия конкретной научной дисциплины обусловлен предпочтениями ее создателя и особенностями того или иного языка. При этом «логия», «номия» и «графия» – это кальки

с европейских языков, тогда как «ведение» – это исконно русское слово. Однако на практике может встретиться, к примеру, «филологическая наука». В данном случае может иметь место, во-первых, плеоназм, а во-вторых, указание на то, что мы имеем дело не с отдельной научной дисциплиной, а с научной отраслью знаний, включающей в свой состав ряд научных дисциплин. Применительно к филологической науке это могут быть журналистика, романские языки, лингвистика и другие. Что касается этимологии термина «библиотековедение», то в этом вопросе все не так просто. Ванеев раскладывает лексему «библиотековедение» на «библиотеку» и «ведение». Но возможен и другой подход. Он заключается в разложении библиотековедения на лексему «**библиотековед**», обозначающую специалиста¹, суффикс «**ени**» и окончание «**е**», добавление которых, в свою очередь, образует слово, обозначающее область знания, изучаемую этим специалистом. В итоге мы можем сказать, что библиотековедение это то, что изучают библиотековеды. Следуя этой логике, можно предположить, что первоначально появился термин «библиотековед» и на его основе термин «библиотековедение».

Теперь поговорим об эволюции библиотековедения из отрасли знания в научную дисциплину. Как мы уже отметили, А. Н. Ванеев схематически моделирует процесс этой эволюции через выделение определенных реперных фактов, интерпретацию событий или их фрагментов. Такой подход эффективен, поскольку позволяет отсечь второстепенное, сконцентрировавшись на ключевых событиях. Сложность заключается в правильности выбора этих реперных точек с науковедческой точки зрения и корректности их последующего толкования.

Как мы уже отметили, в качестве отправной точки эволюции библиотековедения была выбрана дискуссия о библиотечной науке как таковой. Именно с нее начнем наш анализ. В первом номере «Журнала министерства народного просвещения» за 1865 г. были опубликованы проект устава Императорской публичной библиотеки и материалы к нему, подготовленные администрацией библиотеки [5]. В пятом номере журнала «Отечественные записки» за тот же год была опубликована соответствующая рецензия [9]. Анонимный рецензент, условно назовем его «господином N», ставит под сомнение сам факт существования термина «библиотечная наука» и саму науку. Анализируя мнение «господина N», Ванеев расставляет ряд акцентов. Первый из них касается авторитетности научно-литературного и политического журнала «Отечественные записки», второй – самого высказывания о том, что «библиотекарство, как известно, не составляет особой науки и даже не входит

¹ Как известно, корень «вед» в составе русских слов обозначает специалиста в какой-либо области, например: краевед, правовед, архивовед, товаровед, пушкиновед, библиотековед и т. д.

ни в одну науку как отрасль». Ключевыми в этой цитате, заявляет Ванеев, являются слова «как известно», которые указывают, что это не частное мнение автора, а широко распространенное убеждение [1]. Насколько мнение «господина N» отражает реальное положение дел? Во-первых, проверим точность приведенной А. Н. Ванеевым цитаты. «Библиотекарство, – сказано в рецензии, – как известно, не составляет особой науки и даже не входит ни в одну науку как отрасль, следовательно, не возможны никакие научные, ученые труды по библиотекарской части» [9, с. 264]. Цитата, приведенная Анатолием Николаевичем, короче оригинальной, что несколько сужает возможности анализа. Что же сказал «господин N» на самом деле? Во-первых, он ведет речь о библиотекарстве, не являющемся наукой и не входящем в состав других научных отраслей, во-вторых, о невозможности научных исследований в библиотечной сфере.

Начнем с анализа термина «библиотекарство». Данный термин имеется в «Словаре русского языка XVIII века» [10, с. 21]. Он обозначает, во-первых, должность библиотекаря, во-вторых, – род занятий библиотекаря. В тексте рецензии «господин N», рассуждая о самих существенных обязанностях по библиотекарству [9, с. 264], использует его во втором значении, то есть как занятие. Сегодня мы бы сказали, что библиотекарство обозначает практическую деятельность² и что это понятие близко к современному пониманию библиотечного дела. «Господин N» в этой части своего высказывания совершенно прав: библиотечное дело не является наукой и не входит в состав других наук. Что касается научных трудов в библиотечной сфере, то ко времени, когда «господин N» взялся за перо, они уже были. Это написанная в 1830-х гг. небольшая работа В. Н. Оленина [7], а также работы В. Соболящикова [11, 12], которые сегодня рассматриваются как научные исследования в области библиотековедения. Более того, были и сами термины «библиотековедение» и «библиотечная наука». Первый из них был использован Ф. Г. Толем в его трехтомном «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания» [Цит. по: 2, с. 100]. Вторым, то есть «библиотечная наука», был применен А. Ф. Бычковым в материалах к проекту устава [6, с. 76].

Таким образом, либо «господин N», непосредственно не связанный с библиотечной деятельностью, просто не знал о соответствующих публикациях, либо придерживался, например, идей О. Конта, признававшего всего лишь шесть наук и относившего все остальное к метафизике и искусствам. Выяснить этого мы не можем. Однако в любом случае выводы, к которым пришел А. Н. Ванеев, не отражают в полной мере картины реального восприятия библиотечной науки в тот исторический период. Как минимум в академическом сообществе и в библиотечной про-

фессиональной среде имели место и представления о библиотечной науке и библиотековедении, и труды по библиотековедению.

Теперь, что касается второй реперной точки. А. Н. Ванеев заявляет, что ведущие отечественные библиотековеды рассматривали в 1910–1920-х гг. библиотековедение как совокупность теоретических и прикладных знаний о библиотеке. С этим утверждением сложно согласиться. Так, С. Масловский, автор статьи о библиотековедении в «Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», начинает ее со слов «библиотековедение или наука о библиотеке» [4]. Анализируя взгляды А. Грезеля, он отмечает, что предложенное им разделение библиотековедения на теоретическую и прикладную, или практическую, части устарело. «Быстрое развитие библиотечного дела, – продолжает Масловский, – привело к широкой разработке библиотечной теории, что вызвало разделение библиотечного персонала на группу «ученых» библиотекарей и группу младшего библиотечного персонала, выполняющего практически механическую работу». В связи с этим библиотековедение, по мнению Масловского, распадается на две части: теоретическую часть, являющуюся научной, которая и представляет собой науку, и прикладную часть, узкотехническую, по самому существу своему не подходящую под понятие о науке. Как мы видим, в пассаже Масловского речь идет об отказе от грезелевской трактовки библиотековедения и демаркации библиотековедения как науки и практической библиотечной деятельности, вернее даже, библиотечного дела. В качестве другого примера хотим сослаться на более позднее определение библиотековедения, данное в первом издании «Большой советской энциклопедии». В нем В. Штейн отмечает, что библиотековедение – это сравнительно молодая наука, которая возникла в XIX столетии [14].

Приведенные нами примеры демонстрируют, что ряд достаточно авторитетных ученых рассматривали библиотековедение как научную дисциплину, хотя, конечно, существовали и те, которые трактовали ее как отрасль знания. Дискутировать о том, чье мнение тогда было определяющим, нам представляется бессмысленным. Куда важнее проанализировать то, как вообще воспринималась дисциплинарная организация науки. В этом аспекте определенный интерес представляют собой материалы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, подготовленного и изданного во второй половине 1930-х гг. [13]. В нем библиотековедение определяется как учение о формах и методах библиотечного дела; библиография – как наука об описании книг и составлении указателей литературы; книговедение – как совокупность научных дисциплин, охватывающих все отрасли знания о книге. Обобщая, можно сказать, что авторы словаря оперируют тремя науковедческими статусами: учением, наукой и совокупностью научных дисциплин. Каково их соотношение, понять сложно, особенно если посмотреть на то, как определялись в этом

² Суффикс «ств» в русском языке обозначает область практической деятельности, например: пчеловодств^о, свиноводств^о и т. д.

словаре другие научные дисциплины: биология – как общее учение, литературоведение – как совокупность наук, математика – как цикл наук, археология – как историческая дисциплина и т. д. Налицо отсутствие всякой системы в определении научного статуса тех или иных научных дисциплин. Можно сказать, что отсутствие в 1920–1930-х гг. представления о дисциплинарной организации науки не позволяло четко сформулировать научный статус большого числа научных дисциплин, включая библиотековедение.

Третий фрагмент связан с трактовкой библиотековедения как буржуазной науки и ее запретом по идеологическим причинам. Так ли это было на самом деле? Действительно, в 1930-х гг. имела место дискуссия о статусе библиотековедения, были закрыты кафедры библиотековедения в отдельных вузах и т. д. Но в это же время при ГБЛ им. В. И. Ленина действовал научно-исследовательский институт библиотековедения, в начале 1930-х гг. выходил журнал «Библиотековедение и библиография», в 1930-х гг. начались защиты диссертаций по библиотековедческой тематике. Как известно, Ю. В. Григорьев в 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему организации библиотечных фондов. Это означает, что наличие дискуссий не привело к реальному запрету библиотековедения как науки.

И, наконец, четвертый реперный фрагмент. Он связан с началом использования науковедческого подхода в библиотековедении, благодаря чему произошло выделение библиотековедения как научной дисциплины. Действительно, развитие науковедения и философии науки «привело в относительный порядок» представления о дисциплинарной организации науки. Этот процесс коснулся и библиотековедения. Однако, как известно, в порядок можно привести то, что существует, а то, чего не существует, надо создавать.

Таким образом, предложенная А. Н. Ванесевым концепция эволюции отечественного библиотековедения из отрасли знания в науку соответствующими этимологическими и историческими фактами не подтверждается. Следовательно, вопрос о времени возникновения отечественного библиотековедения как науки остается открытым. Исходя из этого, мы изложим свою концепцию генезиса отечественного библиотековедения как научной дисциплины. Отдельные вопросы по данной теме нами уже были освещены [8], в силу чего мы остановимся лишь на ключевых моментах.

Изложение концепции мы хотели бы начать с некоторых методологических пояснений. В первую очередь мы хотим уточнить понимание ключевых понятий. Как известно, наука связана с познанием. Познание может быть не только научным, ему предшествовали обыденная (повседневная), религиозная и художественная формы познания. Соответственно с этим и сами знания, помимо научных, могут быть, например, повседневными или религиозными. Обыденные знания есть результат осмысления практической деятельности на уровне здравого смысла и житейской

логики. В целом обыденные знания носят стихийно-эмпирический характер. Как правило, они изложены в понятиях обыденного, нечеткого и многозначного языка в виде конгломерата сведений, предписаний, рецептов деятельности и поведения, накопленных в ходе длительной практической деятельности. Научное знание есть знание, полученное с помощью научных методов (наблюдения, эксперимента, теоретизирования и т. д.). При этом оно носит систематический характер, объективно и достоверно. Систематический характер научного знания предопределяет его институционализацию в виде организации соответствующих научных и учебных заведений и обществ, появление профессиональной научной печати, специализации ученых и т. д.

Еще одно пояснение мы хотели бы дать соотношению понятий научное знание и отрасль знания. Как мы уже отметили, научное знание – это знание, полученное научным методом. Несмотря на его высокую социальную значимость и востребованность, оно вовсе не исключает востребованности обыденного знания, особенно в тех областях, где научное знание отсутствует (например, в домоводстве, в парикмахерском и поварском деле и т. д.). Пространством, где эти виды знаний сходятся, тесно переплетаясь, выступает библиотека, ориентированная на распространение всех форм или типов знаний. Систематизируя их, библиотека вынуждена разрабатывать собственные классификационные понятия. Одним из таких выступает понятие «отрасль знания»³. Данное понятие включает все типы знаний, отнесенных к той или иной отрасли деятельности. Исходя из этого, понятия наука (научная дисциплина) и отрасль знаний относятся к разным предметным областям, существуют параллельно и не могут быть противопоставлены друг другу.

Итак, говоря о зарождении библиотековедения как дисциплинарной формы организации библиотечной науки, мы, в свою очередь, выделяем следующие его факторы. Во-первых, наличие соответствующей деятельности, обладающей необходимым уровнем автономии, что позволяет ее выделить в качестве самостоятельной. Опираясь на историю библиотечного дела, мы можем сказать, что библиотечная деятельность возникла в XI в. и прошла длительный путь развития. Первоначально она получила название библиотекарство. Сегодня мы ее знаем как библиотечное дело. В ходе ее эволюции на донаучном этапе было накоплено множество обыденных знаний в виде предписаний и рекомендаций по организации церковных, княжеских и частных книжных коллекций и библиотек. Чаще всего они носили устный характер и передавались от одного поколения к другому в ходе совместной библиотечной деятельности. При этом мы не исключаем возникновение библиотековедческой, то есть научной, мысли в таких смежных

³ Отрасль знания, отмечает Б. Ю. Эйдельман, является решающей при определении места книги [15, с. 7].

направлениях исследований, как книговедение, история, педагогика и др.

Во-вторых, это выделение собственной научной предметной области. Мы полагаем, что сама по себе библиотечная деятельность, связанная с обеспечением потребностей в чтении отдельных граждан или групп людей, не составляет самостоятельной предметной научной области. Ситуация начинает меняться, когда личные или групповые потребности в чтении замещаются общественными потребностями в библиотечном обеспечении научной деятельности, образования и просвещения. Схематично этот процесс можно представить как выделение из отношений «книжная коллекция (библиотека) – отдельный человек или группа людей» таких отношений, как «библиотечная система – общество в целом». **Именно эти новые отношения и связанные с ними организационно-методические и технологические аспекты деятельности образовали предметную область библиотековедения.** На практике эти изменения имели форму «государствления и институционализации» библиотечного дела, когда государство взяло на себя функции по формированию национальной библиотечной системы и регламентации ее деятельности по обеспечению общественных потребностей. Этот процесс начался в XVIII столетии и был завершен в начале XIX столетия. Осмысление этих новых отношений мы находим в уже упомянутой нами статье. «С понятием библиотекаря, – пишет А. Ф. Бычков, – у нас в обществе привыкли соединять понятие о чиновнике, сохраняющем под свою ответственность, в порядке и целостности книги известной библиотеки, выдающим эти книги в чтение и вписывающим в каталоги и инвентари все вновь поступающие сочинения, – одним словом, чиновника в образе архивариуса присутственных мест. Такой взгляд на библиотекаря публичной библиотеки не может быть назван ни правильным, ни согласным с истиной. Публичная библиотека представляет собрание книг систематически приобретенных и приобретаемых по отраслям знаний ... они [библиотеки] – создание общественной потребности государства» [6].

И, наконец, третий фактор формирования библиотековедения мы связываем с институционализацией собственных научных исследований. Условно мы начинаем отсчет этого процесса с начала XIX столетия и выделяем в нем следующие реперные точки и фрагменты. Во-первых, это создание соответствующих научных и учебных учреждений и обществ. Как известно, Императорская публичная библиотека создавалась не только как национальное книгохранилище, но и как научное заведение: она была подчинена Министерству народного просвещения, структурно разделена на ученую и хозяйственную части, в ней действовал ученый совет. При этом статус библиотекарей приравнивался к профессорскому статусу. Во время ее открытия в 1814 г. во вступительном слове директор библиотеки А. Н. Оленин отметил, что библиотека – это ученое заведение [3, с. 66].

Передача библиотечного дела в ведение Министерства народного просвещения обеспечила использование соответствующего ведомственного издания для публикации материалов отечественных библиотечных исследований, статистических материалов о библиотечном деле, а также исследования зарубежных ученых по истории библиотек. Четвертым фактором мы назовем становление высшего профессионального библиотечного образования. Этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Мы лишь отметим, что первоначально оно формировалось как дополнительное, на основе базового университетского образования. В качестве учебников использовались работы как отечественных библиотечных исследователей, например В. Соболевского, так и переводы немецких – А. Грезеля, Ф. Эйхлера и др. Завершение процессов институционализации библиотечных исследований пришлось на конец XIX – начало XX столетия, что означает завершение формирования библиотековедения как научной дисциплины.

Итак, анализ, результаты которого отражены в предыдущем изложении, позволяет нам прийти к следующим выводам. Во-первых, история возникновения и формирования отечественного библиотековедения до сих пор содержит лакуны, провоцирующие появление различных концепций и гипотез. В контексте одной из концепций библиотековедение как наука выделилось из одноименной отрасли знаний. В контексте другой библиотековедение как дисциплинарная форма организации отечественной библиотечной науки сформировалось в течение XIX в. Его предметная область была связана с исследованием определенных аспектов библиотечной деятельности, направленной на обеспечение общественных интересов в сфере науки, образования и просвещения, а институциональная составляющая – с наделением ряда ведущих отечественных библиотек статусом научных учреждений и обеспечением систематических исследований в области библиотековедения. Безусловно, читатель вправе выбрать ту концепцию генезиса отечественного библиотековедения, которая представляется ему более аргументированной и убедительной.

Во-вторых, результаты исследования истории библиотековедения, его статуса, роли и места в системе наук во многом будут зависеть не только от конкретно-исторических исследований, но и от представлений о науке, от этапов ее становления и развития в Новое время. В силу этого исследования должны носить комплексный историко-научный характер. Более того, давно назрела необходимость подготовки историографии истории библиотечного дела и библиотековедения.

И, наконец, в-третьих. Даже если переименование библиотековедения в библиотечную науку терминологически приближает нас к европейской науке, вряд ли это качественно повлияет на его развитие. Ярким примером выступает история переименования научной составляющей библиографии в библиогра-

фование. Сколько сил этой терминологической баталии было отдано одним только О. П. Коршуновым. Ну, переименовали, и что далее? Разве библиографование стало развиваться интенсивней, нежели прежде? Что-то незаметно. Может быть, лучше проявить уважение к предшественникам и сохранить преемственность в названии нашей науки, а всю энергию направить на исследования по существу? Выбор за научным сообществом!

Список источников

1. Ванеев А. Н. Когда в России библиотековедение стало наукой? // Библиосфера. 2016. № 3. С. 75–79.
2. Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в России (XI – начало XX в.). Москва : Пашков дом, 2003. 304 с.
3. Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотека глазами современников (1975–1917) : хрестоматия. Санкт-Петербург : РГБ, 1998. 694 с.
4. Масловский С. Библиотековедение // Новый энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург, 1912. Т. 6. Стб. 550–561.
5. Материалы для нового устава Императорской публичной библиотеки и московского публичного музея // Журнал Министерства народного просвещения. – 1865. Ч. 125 (январь), отд. 4. С. 1–93.
6. Бычков А. Ф. О значении звания библиотекаря // Журнал Министерства народного просвещения. 1865. Ч. 125 (январь), отд. 4. С. 75–77.
7. Оленин А. Н. Публичные библиотеки в Париже и Публичная библиотека в С.-Петербурге. Санкт-Петербург, 1832. 20 с.
8. Плешкевич Е. А. Становление научной мысли в библиотековедении // Библиосфера. 2015. № 1. С. 3–9.
9. Проект нового устава Императорской публичной библиотеки // Отечественные записки. 1865 (июнь), кн. 2. С. 257–266.
10. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Ленинград : Наука, 1985. 220 с.
11. Соболевский В. И. Об устройстве общественных библиотек и составлении ими каталогов // Журнал Министерства народного просвещения. 1858. Ч. 100, кн. 10, отд. 2. С. 97–126 ; Ч. 100, кн. 11, отд. 2. С. 129–155.
12. Соболевский В. И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 года. Санкт-Петербург : Тип. Акад. наук, 1860. 89 с.
13. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / ред. Д. Н. Ушаков. Москва : Терра-Терра, 1996.
14. Штейн В. Библиотека // Большая советская энциклопедия. Москва, 1927. Т. 6. Стб. 126–131.

15. Эйдельман Б. Ю. Библиотечная классификация и систематический каталог : учеб. пособие. Москва : Книга, 1977. 311 с.

References

1. Vaneev A. N. When does the librarianship became a science in Russia? *Bibliosfera*, 2016, 3, 75–79. (In Russ.).
2. Vaneev A. N. Razvitie bibliotekovedcheskoi mysli v Rossii (XI – nachalo XX v.) [Librarian science development in Russia (XI – early XX centuries)]. Moscow, Pashkov dom, 2003. 304 p. (In Russ.).
3. Grin C. I., Tret'yak A. M. *Publichnaya biblioteka glazami sovremennikov (1975–1917): khrestomatiya* [The public library through the eyes of contemporaries]. Saint Petersburg, RGB, 1998. 694 p. (In Russ.).
4. Maslovskii S. Library science. *Novyi entsiklopedicheskii slovar' Efrona i Brokgauza*. Saint Petersburg, [1912], 5, 550–561. (In Russ.).
5. Materials for a new charter of the Imperial public library and Moscow public museum. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1865, 125, 4, 1–93. (In Russ.).
6. Bychkov A. F. O the meaning of librarian status. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshheniya*, 1865, 125, 4, 75–77. (In Russ.).
7. Olenin A. N. Publichnye biblioteki v Parizhe i Publichnaja biblioteka v S.-Peterburge [Public libraries in Paris and the Public library in St. Petersburg]. Saint Petersburg, 1832. 20 p. (In Russ.).
8. Pleshkevich E. A. Scientific ideas development in library science. *Bibliosfera*, 2015, 1, 3–9. (In Russ.).
9. The project of a new charter of the Imperial public library. *Otechestvennye zapiski*, 1865, 2, 257–266. (In Russ.).
10. Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [The Russian language vocabulary of the XVIII century]. Iss. 2. Leningrad, Nauka, 1985. 220 p. (In Russ.).
11. Sobol'shchikov V. I. On public libraries arrangement and catalogues creation by them. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1858, 100, 10, 2, 97–126 ; 100, 11, 2, 129–155. (In Russ.).
12. Sobol'shchikov V. I. *Obzor bol'shikh bibliotek Evropy v nachale 1859 goda* [A review of large libraries in Europe in early 1859]. Saint Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1860. 89 p. (In Russ.).
13. Ushakov D. N. (ed.) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [The Russian language vocabulary]. In 4 vol. Moscow, Terra-Terra, 1996.
14. Shtein V. Library. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya*. Moscow, 1927, 6, 126–131.
15. Eidel'man B. Yu. *Bibliotchnaja klassifikacija i sistematičeskij katalog : ucheb. posobie* [Library classification and systematic catalogue : manual]. Moscow, Kniga, 1977. 311 p. (In Russ.).

Материал поступил в редакцию 31.05.2016 г.

Сведения об авторе: Плешкевич Евгений Александрович – доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник